

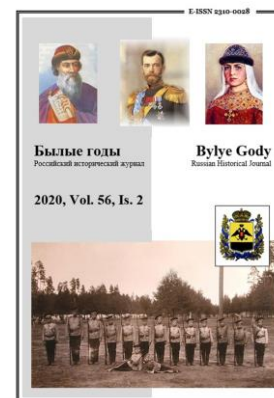
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 453-462. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.453
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of the Bashkirs in the Development of Political and Sociocultural Relations of the Russian Empire with the States of Central Asia (XVIII–XIX centuries)

Timur M. Ayupov ^{a, *}

^aAltai State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the degree of participation of the Bashkirs in the establishment and further development of economic, diplomatic and cultural relations of the Russian Empire and state entities of the Central Asian region – the Kazakh zhuzes, the Bukhara emirate, Khiva and Kokand khanates. On the basis of archival sources, diplomatic documents and published scientific works, it was possible to find out that all layers of Bashkir society were widely involved in the implementation of Russia's geopolitical tasks in the southeast direction: the tarkhans, batyrs, mullahs, merchants, ordinary community members. This was facilitated by ethnogenetic kinship, the similarity of languages and mentality, the unity of their religion with the peoples of Central Asia. The geographical factor was of no small importance – the border lands of Bashkiria at the turn of the 18th – 19th centuries were turned into a springboard for an attack on Turkestan. The tsarist government in every possible way encouraged the actions of the Bashkirs and generously rewarded them for their faithful service at the same time, they brought to the new land such an everyday culture that suited the authorities, and also served as a kind of catalyst for the beginning of its scientific research, helped to distribute printed materials.

Keywords: Russian empire, Central Asia, Bashkirs, Orenburg, caravan trade, embassy, study of the region.

1. Введение

Присоединению Центрально-Азиатского региона к Российской империи предшествовал длительный период довольно бойкой меновой торговли и предварительных посольских сношений между ними. Эти связи в XVIII – начале XIX вв. имели эпизодический характер и выражали в основном заинтересованность российской стороны в дальнейшем развитии торговли с Персией, Китаем и Индией по караванным путям, пролегавшим через Хиву и Бухару, а также стремление отдельных кочевых племен принять подданство «Ак падишаха» (Белого царя). Стоит заметить, что русские купцы вплоть до 1840-х гг. не решались самостоятельно выезжать в азиатские страны, а отправляли туда своих приказчиков из числа башкир и татар. Первым русским, на свой страх и риск отправившимся в Центральную Азию, стал приказчик московских купцов Семен Ключарев. В связи с этим башкирских старшин, мулл и торговцев неоднократно приглашали принимать участие или даже возглавлять официальные миссии России в Казахскую степь, Хиву и Бухару. Родственная культура помогала им быстрее других народов России договариваться с коренным населением региона в вопросах политики и экономики.

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория модернизации, в рамках которой общемировой процесс перехода от традиционного общества к современному иногда разделяют на

* Corresponding author

E-mail addresses: aiuptegin@mail.ru (Т.М. Ауупов)

3 «эшелона». Страны Западной Европы и Северной Америки, где этот процесс протекал более органично, относят к первому эшелону; Восточную Европу, Россию, Турцию и Японию – ко второму. Для этого эшелона была характерна запоздалая капитализация и идущая инициатива «сверху», в связи с чем ряд исследователей полагает, что модернизация в России была начата по воле верховной власти, извлекая уроки из поражения в Крымской войне. Третий эшелон составляет остальная часть Азии, Африка и Латинская Америка. Там практически отсутствовали предпосылки капиталистического развития, но влияние запада через колонизацию ускорило их приобщение к процессу модернизации (Чирков, 2018). С этих позиций закономерной кажется активизация колониальной политики России в Центральной Азии, которая пришлась на период «великих реформ» Александра II. При этом первыми проводниками европейской культуры в регионе стали именно башкиры и татары, хорошо владевшие как русской речью, так и местными языками тюркского корня. Они выступали в качестве «связующего звена» между российской властью и местными элитами.

В процессе работы нами были использованы как основные методы исторического исследования, так и специальные – кросс-культурный и источниковедческий анализы. Статья подготовлена на основе комплексного анализа опубликованных и архивных источников, содержащих информацию по различным аспектам истории взаимоотношений Российской империи с центральноазиатскими государствами.

В определенной степени главным источником в написании данной работы послужили донесения, письма, путевые журналы, отчеты, составленные самими дипломатами и офицерами-разведчиками. Эти документы явились уникальным источником по истории крупнейших центральноазиатских государств – Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В них содержится богатый фактологический материал: маршруты торговых путей, сведения об этническом составе населения, его хозяйственной деятельности и т.д. Они также дают представление об эволюции взаимоотношений с Россией в изучаемый период.

3. Обсуждение

Самые первые сведения о становлении дипломатических отношений стали появляться еще в процессе присоединения Центральной Азии к Российской империи. Работы, вышедшие в свет в данный период, написаны путешественниками, учеными-востоковедами, работниками колониальной администрации и в целом отражают интересы царской России в регионе. Несмотря на идеологизированность, они представляют определенный интерес.

К ним, в частности, можно отнести труды этнографа П.И. Небольсина, служившего младшим чиновником и предпринявшего в 1850–1851 гг. путешествие в прикаспийские области для исследования торгово-промышленных сношений России с Центральной Азией. По результатам этой командировки им было издано несколько книг.

В одном из своих рассказов П.И. Небольсин сообщает интересные сведения о пребывании в гостях у башкир посланников хивинского хана, возвращавшихся из Петербурга восвояси. В нем же автор приводит лестную характеристику башкир: «У нас, в России, есть еще единоверный с хивинцами народ, с которым хивинцы давно раззнакомились. Это именно башкирцы, народ весьма многочисленный, сильный и, по верноподданнической приверженности к престолу, давно уж в целом своем составе обращенный в такое же войсковое сословие [как казаки]...» (Небольсин, 1854).

Этнокультурные, политические, экономические связи башкир и казахов отражены в работах С.У. Таймасова, Г.Б. Избасаровой, Б.А. Азнабаева (Таймасов, 2009; Избасарова, 2016; Азнабаев, 2018). Также ими особо отмечена историческая роль Алдара Исекеева, Таймаса Шаимова и других башкирских старшин в установлении дипломатических отношений казахов с Россией.

Вопросы установления торговых и дипломатических отношений между Российской империей и центральноазиатскими владениями в своих исследованиях отразили историки М. Тлеумуратов, Д.Б. Сапаралиев, Ю.А. Лысенко (Тлеумуратов, 1993; Сапаралиев, 1995; Лысенко, 2019) и др.

Вышеуказанные работы не были посвящены изучению степеней участия башкир в установлении посольских связей, но они отражают в целом позицию башкир к этим событиям, примеры их участия и их отношения с местным населением.

Из работ, специально касающихся данной проблемы, можно назвать труды казахстанского исследователя Гульмиры Султангалиевой (Султангалиева, 2001; Султангалиева, 2005). Фактологическая насыщенность, безупречная логика и основательная научная база являются отличительной чертой ее работ. На основе архивных материалов ей удалось в целом показать роль башкир и татар в азиатских миссиях России в Казахскую степь в качестве купцов, переводчиков и проводников караванов. Конечно, основной акцент ею был сделан на деятельности «татарских» купцов и мулл, хотя и с оговоркой условности этого этнотермина (Султангалиева, 2000: 3).

4. Результаты

Первые дипломатические отношения России с государствами Центральной Азии начали зарождаться еще при императоре Петре I, выступавшем за скорейшее принятие казахов в свое

подданство и расширение связей с азиатскими рынками. В 1718 г. он впервые отправил в Бухару своего посланника Флорио Беневени – итальянца по происхождению, к тому времени 10 лет находившегося на русской службе.

Пребывая длительное время в «Бухарии» и Хиве, Ф. Беневени вел специальный журнал, куда аккуратно записывал ценные сведения о внутреннем положении этих государств, их взаимоотношениях, резонансе от предпринятого Петром I Каспийского похода. Особый интерес представляют его заметки, касающиеся личностей самих правителей и их приближенных, а также обычаев, заведенных при дворе. Свои донесения Беневени отправлял в Россию с тайными курьерами, среди которых был башкир мулла Максют Юнусов. Таким же образом доставлялись ответные письма из Москвы и Петербурга. К началу 1723 г. Ф. Беневени пришел к выводу о невозможности заключения военного союза с Бухарой и, считая свою миссию выполненной, просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть город. Однако это его письмо пропутешествовало более года, и потому разрешение на отбытие он получил лишь в декабре 1724 г. Рескрипт императора об этом был отправлен с тем же М. Юнусовым, которого по пути задержали каракалпаки и не хотели отпускать, «пока от двора Его Величества на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получат». В итоге корреспонденцию было решено переправить тайным образом через «товарища его» Мачакбая Пулатова. Но и этот «башкирец» был ограблен на дороге казаками, после чего, по воспоминаниям самого Беневени, «без рубашки, токмо в одном нарочито худом камзоле, в котором письма зашиты были, сюда ко мне прибежал» (*Посланник Петра I...*, 1986: 87). Итак, несмотря на все злоключения гонцов, последнее важное сообщение было доставлено ими довольно быстро, всего за три месяца.

На рубеже 20–30-х гг. XVIII в. из-за тяжелых последствий войны с джунгарами часть политической элиты казахского общества и сама была вынуждена искать покровительства у российского правительства. Дело это было чрезвычайно сложным, и для его успеха требовался влиятельный посредник, известный как казахским султанам, так и царским властям. Хан Младшего жуза Абулхаир просил стать таким посредником башкирского старшину Бурзянской волости Алдара Исекеева. Тот, поразмыслив некоторое время, согласился и сообщил о просьбе хана уфимскому воеводе Бутурлину. Летом 1730 г. посольство Абулхаир-хана, возглавляемое Кутлумбетом Коштаевым и Сеиткулом Кайдагуловым, прибыло в башкирский аул, подвластный А. Исекееву, и находилось там до тех пор, пока Бутурлин не прислал за ними эскорт. В августе послы приехали в г. Уфу, а уже оттуда в сопровождении башкир и военного отряда направились в Санкт-Петербург.

Любопытно, что ко двору императрицы Анны Иоанновны посольство от казахов прибыло в то время, когда она принимала у себя еще одного из знатных башкирских старшин, управлявшего Каратабынской волостью Таймаса Шаимова. От имени своих сородичей он был послан к императрице с подношениями в виде ценных мехов куниц и черно-бурых лисиц. Именно в этот момент при дворе появились казахские послы Кутлумбет и Сеиткул. Они передали для императрицы послание хана Абулхаира с просьбой принять Младший казахский жуз в подданство России. В феврале 1731 г. императрица подписала жалованную грамоту о принятии его орды в свое подданство. Тогда же было принято решение направить к хану ответное посольство во главе А.И. Тевкелевым. В состав миссии вошли и двое доверенных башкирских старшин, незадолго до этого побывавших при дворе, а также здешний мулла Кидрас Муллакаев. С целью договориться об условиях проезда и безопасности посольства в степь заранее был послан сын Алдар-батыра. Перед посольством стояла также задача прекращения нарастающей военной конфронтации между башкирами и казаками, занявшими в ходе вынужденных миграций плодородные пастбища на правом берегу реки Яик.

22 ноября 1732 г. послы предстали перед собранием казахских родовых аристократов, но сразу убедить их принять подданство России им не удалось. Часть султанов, ориентированная на джунгар, потребовала от Абулхаир-хана удерживать Тевкелева до тех пор, пока им не будет возмещен весь урон. Сопровождавшим его башкирам было велено отбыть в г. Уфу и передать их требования русской администрации. Но когда они отказались оставлять Тевкелева одного, счет о потерях предъявили им самим. На упреки же казахов касательно набегов башкир Таймас Шаимов парировал, что в том виноваты обе стороны. В доказательство он напомнил присутствующим о многочисленных фактах нападения казахов на русские торговые караваны, убийств башкир и угона у них больших табунов лошадей, похищения башкирских детей для продажи их в рабство в Хиву (*Казахско-русские...*, 1961: 83).

Нужно отметить, что многочисленные нападения на башкирские поселения и русские торговые караваны являлись еще одной стороной жизни оренбургского приграничья. Кочевавшие по степи шайки разбойников частенько угоняли скот, грабили и пленили людей для последующей продажи в рабство. Как показывают исследования, захват пленников и торговля ими, как правило, на невольничьем рынке Хивы, были весьма распространенным и доходным видом промысла (*Лысенко, 2018: 174*).

И все же на следующий день, после долгих споров, сторонники Абулхаира взяли верх. Свыше 30 казахских султанов здесь же, близ Аральского моря, были приведены к присяге на верность императрице. Это историческое событие положило начало длительному процессу вхождения казахского народа в состав России. Принятием ее протектората Абулхаир добился

публично-правового разрешения проблемы спорных пастбищных территорий в пользу казахов на основе письменного договора с российским престолом.

Более того, Абулхаир-хан смог решить и другой, матримониальный вопрос, женившись на башкирке. Его третьей женою стала дочь некоего Отнохарта, на которой он женился по инициативе башкирских старшин Ногайской дороги в 1738 г., в период очередного народного восстания (МИБАССР, 1936: 349). Ханская свадьба сама собой исключала новые столкновения с соседями. Его сын от жены-башкирки – Карагай – впоследствии был султаном Младшего жуза и умер в возрасте свыше 90 лет.

Как видно, башкирские старшины сыграли важную дипломатическую роль в сложной обстановке присоединения казахских жузов к России. Это стало возможно благодаря не только владению ими восточными языками и знаниям в совершенстве географии и быта степной местности, но и имевшимся родственными связям. Так, одна из легенд рода Шаймовых гласит, что у Таймас-батыра было несколько жен разных национальностей, в том числе башкирка, татарка, русская и казашка (Самигулов, 2011).

Чтобы заручиться дальнейшей поддержкой башкир, отдельным представителям их родовой аристократии и рядовым общинникам, сопровождавшим казахских послов и оказавшим властям иные услуги, были розданы щедрые подарки в виде денег и сукна. Наиболее влиятельные из них получили по 50 рублей и 4 аршина сукна стоимостью по 3 рубля за аршин. Среди них были Алдар Исекеев, о котором в архивном документе сказано: «Сей привел сперва к подданству Меньшей киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хана и привел от них с прошением посланцов, с которыми для принятия в подданство послан Тевкелев, и с ним же был там и жил без отъезду в орде на своем коште»; Тюлкючүра Алдагулов, так как он был «роду кипчацкого, нужен для того, что он в своем кипчацком роде силен, и земли подошли ево, где город будет строитца (Оренбург – Авт.)»; Таймас Шаймов, «который был с Тевкелевым и служил верно, и в полону сидел, за что ...дана ему на тарханство грамота и сукно» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 114-114 об.).

Присоединение казахских земель открывало перед Россией новые перспективы развития экономических и политических связей со странами Азии. Однако правительство поначалу не имело четкого плана действий, пока за это дело не взялся обер-секретарь Сената И.К. Кириллов. Решающую роль в осуществлении важных геополитических задач, по его мнению, должен был сыграть город, построенный на юго-восточных рубежах России, между кочевьями башкир и казахов. Вскоре И.К. Кириллову удалось добиться организации Оренбургской экспедиции. Опираясь на «верных башкирцев», он осуществил часть своей программы: основал новые города-крепости на землях, отведенных самими башкирами, использовал их в обеспечении экспедиции продовольствием, а впоследствии – в подавлении народных восстаний.

Следует отметить, что башкирское общество рассматриваемого периода было неоднородным по составу. В нем в XVIII в. образовалась целая прослойка обедневших вотчинников, которые стремились укрепить свое положение верной службой. Они с самого начала принимали самое активное участие во всех мероприятиях российского государства на восточном направлении.

Башкирские воинские формирования наиболее широко использовались в последующем силовом продвижении в Центральную Азию. В период усиления колониальной политики России в этом направлении один башкир командировался из 5–6 мужчин, вместо того, что в среднем один башкирский казак обычно выставлялся от 4–5 дворов (Аюпов, 2011: 107).

С начала XIX в. российское правительство все больше убеждалось в необходимости завоевания всего Центрально-Азиатского региона. Отношения у него с местными элитами сильно обострились из-за проблемы русских купцов, караваны которых часто подвергались разграблению со стороны хивинцев и бухарцев. Поэтому не случайно, что в 1809 г. на выручение русских пленных в Хиву был направлен сотник станицы Каргалинской Оренбургского казачьего войска Сеит-Джафар Абубакиров. Несмотря на то, что абсолютное большинство жителей станицы в то время составляли служилые татары, его этническая принадлежность остается неясной. «Башкирским старшиной», например, С. Абубакирова называют авторы сборника «Этнический атлас Узбекистана» (Шигабдинов, Жукова, 2002: 44).

Как бы то ни было, из рапорта на имя губернатора Оренбурга князя Волконского известно, что в Хиву он прибыл под видом муллы, пробыл там 45 дней и по итогам миссии смог вернуть домой несколько российских подданных. Один из них встретился ему в устье реки Сырдарья. Это был башкир, проживавший среди казахов чиклинского рода, который сам пожелал «употребить себя на пользу России» (Труды..., 1905: 142-148).

Позднее также с ходатайством о возмещении ущерба русским купцам, изложенном в письме графа К. Нессельроде, в Хиве побыв Мендияр Бекчурин. Еще в 1780–1781 гг. он впервые возглавлял российское посольство, направлявшееся через казахские степи из Оренбурга в Бухару. Записи об этом путешествии были опубликованы во 2-й книге «Восточный сборник» (Петро-град, 1916 г.). Согласно архивным материалам известно, что уфимские дворяне Бекчурины вели свое происхождение от ногайских мурз. Их родоначальники в первой половине XVI в. были наместниками Ногайской Орды в Башкирии, а затем перешли на русскую службу (РГАДА. Ф. 127. Оп. 4. Кн. 3. Л. 164).

При выборе кандидатов на роль российских агентов при ханских дворах исходили еще из того, что башкиры были мусульманами – хивинцы и бухарцы видели в них прежде всего своих единоверцев. О благосклонном расположении хивинского хана к Абубакирову, например, говорит тот факт, что он распорядился выделять своему гостю ежедневно по одной серебряной монете, бутылке виноградного вина, по блюду плова и одну дыню; кроме того, одновременно выдать хлопчатобумажный халат и мерлушковую шапку (Труды..., 1905: 144).

Еще одной стратегической задачей российской разведки в этот период было выявление и противодействие британской экспансии в Центральной Азии. Ярким примером такой деятельности служат дипломатические миссии поручика Башкирского войска Абдулнасыра Субханкулова. Посланный в 1810 г. от имени Александра I для переговоров с бухарским эмиром, он добыл важные сведения о подрывной деятельности англичан в регионе. В своем отчете разведчик сообщал, что в последнее время Бухару наводнили английские шпионы, которые под видом индийских торговцев всюду скупают «разные вещи и хлеб для себя высокою ценою, а продают оные в народе со значительным для себя убытком» (Медведев, 2016: 68). В действительности это были представители Ост-Индской компании, для которой данная операция являлась проверкой на предмет возможности вытеснить с местного рынка российских купцов – башкир и татар. Вероятно, что с помощью распродажи товаров по бросовым ценам британцы пытались приобрести себе постоянных информаторов из местных жителей.

Среди прочих заданий поручику предписывалось вернуть на родину фальшивомонетчика из казанских татар Валита Хамитова, нелегально перебравшегося в Бухару и наладившего там изготовление фальшивых российских денег. Размах его преступной деятельности сильно беспокоил российского министра коммерции. В ходе состоявшейся встречи с первым министром двора А. Субханкулов заверил его в дружественном расположении российского правительства, выразил пожелания и дальше развивать торговлю между двумя странами и особо обозначил необходимость обеспечения безопасности прохождения купеческих караванов. Также он потребовал у бухарских властей выдать ему Хамитова, к тому времени выпускавшего в неделю по 8000 рублей ассигнациями (Медведев, 2016: 68).

В 1818 г. оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен командировал поручика Субханкулова в Хиву (Труды..., 1905: 113). На этот раз им был составлен подробный маршрут пути со всеми встречающимися на нем речками, рощами, колодцами и т.п. Его отчет на 34 страницах содержит также интересные сведения о правовом регулировании торговли и налоговой системе в ханстве. За добросовестное исполнение своих обязанностей он был удостоен «Золотой медали на красной ленте» и денежной премии в размере 750 рублей.

Проникновение в Центральную Азию британской агентуры и вторжение Великобритании в соседний с нею Афганистан дали повод для более решительных действий России. С целью окончательного подчинения центральноазиатских государств имперское правительство организовало несколько походов.

Участником военных походов против Хивинского (1873 г.) и Кокандского (1875 г.) ханств был Шагимардан Ибрагимов – выдающийся российский дипломат, этнограф и один из зачинателей национальной печати Туркестана. Он родился в 1841 г. в Оренбургской губернии и происходил из дворянского рода. Национальность Шагимардана Мирясовича до сих пор точно не установлена. Однако казахские исследователи Э.А. Масанов и Б. Абилхасимов, к сожалению, не называя источников, категорически утверждали, что он «башкир по национальности» (Масанов, 1964; Абилхасимов, 2016). Основанием для суждения о национальности Ибрагимова может служить примечание редакции к его статье в «Записках» Императорского Российского географического общества (ИРГО), где он назван «образованным башкиром» (Назарьян, 2015: 103).

Поначалу Ш. Ибрагимов учился в Омском кадетском корпусе, но не закончил его по семейным обстоятельствам. Дальнейшее обучение проходило «приватно» в Омском полубатальоне кантонистов, где его готовили на переводчика с «татарского языка». Получив образование, в 1854 г. начал свою службу в качестве переводчика в Петропавловском городском управлении полиции. В 1863–1867 гг. преподавал в казахской школе, учрежденной при Омском областном правлении (Казахстан, 2005: 433). В 1870 г. перевелся в г. Ташкент, где стал работать переводчиком с персидского и тюркских языков в канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

Здесь Ибрагимов сразу обратил на себя внимание не только хорошим знанием языков, но и, несомненно, общей культурой и кругозором, а также дипломатическими способностями. Последнее подтверждается тем, что уже 1 июля 1878 г. он был назначен старшим чиновником по дипломатической части при генерал-губернаторе. В тот период Туркестанское генерал-губернаторство проявляло значительную самостоятельность в вопросах дипломатии. Оно вело по своей инициативе переговоры с Хивой, Бухарой и даже с Персией и Индией. К.П. Кауфман был наделен чрезвычайными полномочиями и имел «право вести войны и заключать мирные договоры». Сам К.П. Кауфман указывал, что заведование дипломатическими делами фактически находилось в руках Ш.М. Ибрагимова. Дважды – в 1880 и 1881 гг. – он возглавлял российские посольства в Бухарский эмират, хотя сам скромно представлял эти миссии как «простой» и «дружеский» визит,

обычный в междипломатических отношениях России и центральноазиатских ханств. За дипломатические заслуги Ибрагимов был награжден орденами Российской империи и Персии. В апреле 1882 г. ему вынесли благодарность «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника». О высокой оценке его деятельности говорит также пожалованный ему чин действительного статского советника. Безусловно, он выдвинулся лишь благодаря своим исключительным способностям, а также нехватке подготовленных кадров в первые годы существования Туркестанского генерал-губернаторства. Сказалось также его личное обаяние, которое распространялось на К.П. Кауфмана.

Еще в 1870 г. по указанию генерала Кауфмана в г. Ташкенте начала печататься первая газета на местных тюркских (узбекский, казахский) языках. Первоначально она выходила как приложение к «Туркестанским ведомостям» под заглавием «Туркестан уалаяты газета» («Туркестанская туземная газета»). Ее редактирование было поручено Ш. Ибрагимову. «Приложения» должны были знакомить местных жителей с правительственными и административными распоряжениями, краткими сведениями из жизни царствующего дома, знакомить их в общих чертах с географией и историей России, печатать краткие описания замечательных открытий и изобретений, сообщать иные полезные сведения. Здесь впервые были опубликованы переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого и других русских писателей, в том числе сделанные им лично (Назарьян, 2015: 104). Для облегчения произношения его имени дипломата по-русски нарекли Иваном Ивановичем. Отсюда появились и инициалы «И.И.» в газетах того времени, в подписи под его публикациями.

У Шагимардана Ибрагимова был еще старший брат Шагимурад (Федор Иванович), родившийся на 3 года раньше (по другим же сведениям, они были близнецами и потому родители дали им схожие по звучанию имена (Абилхасимов, 2016: 10)). Он также обучался в Сибирском кадетском корпусе и, не окончив его, в 1856 г. был определен письмоводителем в Кокчетавский окружной приказ, где служил у отца Ч.Ч. Валиханова – султана Чингиза. В 1870 г. продолжил свою службу переводчиком с тюркских языков при Областном правлении в г. Ташкенте. Имея по роду своей деятельности постоянные контакты с множеством просителей из числа местных жителей, он довольно скоро сделался известен среди них как человек гуманный и отзывчивый. С 1873 г., когда Шагимардан отсутствовал по разным дипломатическим поручениям, Шагимурад Мирясович неоднократно заменял его, а в 1878 г. – окончательно принял заведование редакцией азиатских приложений. Благодаря умению Шагимурата Ибрагимова вести редакционные дела, газета с каждым годом приобретала все больше подписчиков. Эти обязанности он усердно исполнял вплоть до своей трагической смерти в феврале 1881 г.

Благодаря «Туркестанской туземной газете», выходившей по 4 раза в месяц в течение 14 лет, узбекский и казахский языки обогатились новыми словами, проникшими из русского и других языков. В целом, по материалам печати второй половины XIX в. известно, что они еще не обладали общенародными признаками, а представляли собой смешанный язык (по-казах. «коспа тіл»), испещренный словами из татарского и башкирского.

После присоединения всех казахских жузов к России в середине XIX в. Оренбургская губерния утратила свое пограничное положение. Однако сам г. Оренбург еще долгое время продолжал играть важную роль в развитии торговых, культурных и политических отношений с народами, населявшими юго-восточные окраины империи. Здесь размещалась целая сеть учебных заведений, где готовили будущих чиновников и писарей, в совершенстве знавших свой родной язык, на котором им предстояло общаться с народом, и, разумеется, русский – для общения с колониальной администрацией. Одним из таких заведений стало открытое в 1825 г. Неплюевское военное училище, преобразованное позже в кадетский корпус. Училище готовило военных и гражданских чиновников среднего звена, в том числе из «азиатцев». Всего на государственном обеспечении полагалось иметь до 200 учащихся. Из них для детей башкирских дворян и офицеров Башкирского казачьего войска давалось 30 вакансий (Башкортостан, 1996: 431). Кадетский корпус оставил заметный след в культурной жизни восточных окраин империи, в подготовке первой плеяды национальной интеллигенции.

Одним из воспитанников этой офицерской школы был известный башкирский ученый и просветитель Мирсалих Мирсалимович Бекчурин. Коллеги по кадетскому корпусу, где он остался преподавать восточные языки, называли его на русский лад Николаем Михайловичем. В 1860–1870-е гг. он часто находился по службе в Центральной Азии, неоднократно сопровождал делегации коренных жителей к императорскому двору. В науке М. Бекчурин известен в основном как лингвист и фольклорист, хотя ряд трудов говорит также о его глубоких познаниях в экономической географии, истории и этнографии.

Так, в период работы переводчиком русской армии в Туркестане М. Бекчурин написал серию историко-этнографических и публицистических статей, в которых анализируется экономика края, в подробностях описывается быт его жителей, дается характеристика общественным отношениям. Многие из них вошли в сборник «Туркестанский край» (Казань, 1872 г.).

Будучи сторонником демократических свобод, автор жестко критиковал религиозный догматизм и деспотизм местной элиты, выступал за светское образование. Основную причину отставания народов края он видел в их самоизоляции, а путь к прогрессу – в культурном взаимодействии с другими этносами. «Отдаленность от образованного мира, – писал о народах Туркестана М. Бекчурин, – сношения посредством караванной торговли только с соседними среднеазиатскими странами мало способствовали заимствованию знаний, наук, искусств и развитию цивилизации» (цит. по: [Валеев, 2015: 129-130](#)).

Мирсалих Мирсалимович был избран действительным членом Оренбургского отдела ИРГО, а также удостоен чина статского советника, генеральских погонов и пяти орденов. Своей научно-педагогической деятельностью он оказал большое влияние на развитие общественной мысли своего времени, и прежде всего на воззрения курсантов кадетского корпуса.

Один из его возможных учеников, башкир Абубакир Диваев, окончив Неплюевский кадетский корпус в 1876 г., также был направлен на военную службу в Туркестан. Будучи переводчиком, затем чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Сырдарьинской области, он посетил многие уезды Туркестанского края, изучая фольклор, быт, обычаи и обряды местного населения ([Башкортостан, 1996: 257](#)). В результате своей собирательской и исследовательской деятельности, получившей высокую оценку В.В. Бартольда, В.А. Гордлевского и других маститых ученых, им было опубликовано более 100 научных и научно-популярных работ.

5. Заключение

Еще в XVIII в. многие башкирские купцы активно занимались торговлей с Хивой и Бухарой. Некоторые из них даже оставались там на постоянное жительство. С активизацией завоевательной политики России в Центрально-Азиатском регионе в XIX в. эти взаимосвязи существенно усилились. Намечая военные акции, имперское правительство заранее, через своих купцов и посланников, разведывало о состоянии внутренней и внешней политики соседних государств. И для таких поручений, как правило, привлекали склонных к сотрудничеству башкир и татар. Успех дипломатических миссий во многом зависел от наличия в их составе опытных переводчиков, способных передавать слова прямолинейных русских чиновников в привычной для азиатов манере. Благодаря тонкому чутью и знаниям местного этикета им удавалось сглаживать «острые углы», не искажая при этом сути сказанного. При выборе кандидатур на роль тактических разведчиков исходили еще из того, что они зачастую имели среди местных жителей многочисленные знакомства и являлись с ними единоверцами. Их откомандировывали в канцелярии казахских султанов для службы писарями, переводчиками или учителями. Выпускников военных училищ из числа башкир, как офицеров, прекрасно владевших родным, русским и персидским языками, также нередко оставляли на службе в штабе туркестанского генерал-губернатора, где они добивались высоких чинов.

Таким образом, имперское правительство России, избрав Центральную Азию для своего геополитического продвижения, активно использовало значительный контингент своих подданных – выходцев из Волго-Уральского региона, хорошо владевших языками родственных тюркских народов и имевших с ними тесные этнокультурные связи. Во многом благодаря этому, г. Оренбург, располагавшийся на границе между кочевьями башкир и казахов, на полтора века стал важнейшим центром торговых, дипломатических, военных и научных контактов с Центральной Азией.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

Литература

[Абилхасимов, 2016](#) – *Абилхасимов Б.* «В казахском языкознании есть еще много неисследованных вопросов» // *Тюркология*. 2016. № 3. С. 9-10.

[Азнабаев, 2018](#) – *Азнабаев Б.А.* Военные организации казахов и башкир в XVII–XVIII вв. (сравнительно-исторический аспект) // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2018. Т. 29. № 4(92). С. 5-15.

[Аюпов, 2011](#) – *Аюпов Т.М.* Участие башкир в присоединении Средней Азии к Российской империи и отражение этих событий в их фольклоре // *Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики*. 2011. № 4. С. 106-110.

[Башкортостан, 1996](#) – Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. 696 с.

[Валеев, 2015](#) – *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 2015. 232 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

[Избасарова, 2016](#) – *Избасарова Г.Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 5. Ч. 2. С. 63-68.

- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сорник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. 746 с.
- Казахстан, 2005** – Казахстан. Национальная энциклопедия / Гл. ред. Б. Аяган. Т. 2. Алматы, 2005. 560 с.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // *История*. 2019. Вып. 8 (82).
- Масанов, 1964** – Масанов Э. Ш.М. Ибрагимов – друг Ч.Ч. Валиханова // *Вестник Академии наук Казахской ССР*. 1964. № 9. С. 53–60.
- МИБАССР, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М. – Л., 1936. 630 с.
- Медведев, 2016** – Медведев А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М., 2016. 800 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/vojna-imperij-tajnaya-istoriya-borby-anglii-protiv-rossii-read-458914-68.html>
- Назарьян, 2015** – Назарьян Р. Первопроходцы // *Звезда Востока*. 2015. № 3. С. 103–105.
- Небольсин, 1854** – Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб., 1854. 343 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/191067.html>
- Посланник Петра I..., 1986** – Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. 159 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Самигулов, 2011** – Самигулов Г. Деревня имени отца // *Южноуральская панорама*. 2011. 22 декабря.
- Сапаралиев, 1995** – Сапаралиев Д.Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в. Бишкек, 1995. 152 с.
- Султангалиева, 2005** – Султангалиева Г. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII–XIX вв.) // *Ватандаш*. 2005. Сентябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=443>
- Султангалиева, 2001** – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XIX вв.). Уфа, 2001. 262 с.
- Султангалиева, 2000** – Султангалиева Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. 2000. № 4 (11). С. 3–18.
- Таймасов, 2009** – Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. 344 с.
- Тлеумуратов, 1993** – Тлеумуратов М. Исторические и культурные связи каракалпаков с Россией и Башкирией в XVIII – начале XX вв. / Ред. Н. Таджибаев. Нукус, 1993. 204 с.
- Труды..., 1905** – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIV. Оренбург, 1905. 224 с.
- Чирков, 2018** – Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // *Философия и культура*. 2018. № 3. С. 17–33. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24609
- Шугабдинов, Жукова, 2002** – Шугабдинов Р., Жукова Л.И. Башкиры // *Этнический атлас Узбекистана*. Ташкент, 2002. С. 44–47.
- Lysenko, 2018** – Lysenko Yu.A. Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 172–182.

References

- Abilkhasimov, 2016** – Abilkhasimov B. (2016). V kazakhskom yazykoznanii est' eshche mnogo neissledovannykh voprosov. [There are still many unexplored issues in Kazakh linguistics]. *Turkology*. № 3, pp. 9–11. [in Russian]
- Аюпов, 2011** – Аюпов Т.М. (2011). Uchastie bashkir v prisoedinenii Srednei Azii k Rossiiskoi imperii i otrazhenie etikh sobytii v ikh fol'klore [The participation of the Bashkirs in the annexation of Central Asia to the Russian Empire and the reflection of these events in their folklore]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki*. № 4, pp. 106–110. [in Russian]
- Aznabaev, 2018** – Aznabaev B.A. (2018). Voennye organizatsii kazakhov i bashkir v XVII–XVIII vv. (sravnitel'no-istoricheskii aspekt) [Military organizations of Kazakhs and Bashkirs in the XVII–XVIII centuries (comparative historical aspect)]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. № 4 (92), pp. 5–15. [in Russian]
- Bashkortostan, 1996** – Bashkortostan. Kratkaya entsiklopediya [Brief Encyclopedia]. Ufa, 1996. 696 p. [in Russian]
- Chirkov, 2018** – Chirkov A.A. (2018). Teoriya modernizatsii v rossiiskoi istoricheskoi nauke. [Theory of modernization in Russian historical science]. *Filosofiya i kul'tura*. № 3, pp. 17–33. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Izbasarova, 2016** – Izbasarova G.B. (2016). Rossiiskii faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniyakh v 1-i chetverti XVIII v. [The Russian factor in Kazakh-Bashkir relations in the 1st quarter of the XVIII century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. № 5. Part 2, pp. 63–68. [in Russian]

- Kazakhsko-russkie..., 1961** – Kazakhsko-russkie... (1961). Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: sbornik dokumentov i materialov. [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries: a collection of documents and materials]. Alma-Ata. 746 p. [in Russian]
- Kazakhstan, 2005** – Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya [National Encyclopedia]. Almaty, 2005. 560p. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* (2019). Mekhanizmy vzaimodeistviya Rossiiskoi imperii s kazakhskoi etnoelitoy Mladshego i Srednego zhuzov (XVIII–XIX vv.). [Mechanisms of interaction between the Russian Empire and the Kazakh ethnic elite of the Younger and Middle Zhuz (XVIII–XIX centuries)]. *Istoriya*. Vol. 8(82). [in Russian]
- Masanov, 1964** – *Masanov E.* (1964). Sh.M. Ibragimov – drug Ch.Ch. Valikhanova. [Sh.M. Ibragimov – friend of Ch.Ch. Valikhanov]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*. № 9, pp. 53–60. [in Russian]
- Medvedev, 2016** – *Medvedev A.* (2016). Voyna imperii. Tainaya istoriya bor'by Anglii protiv Rossii. [War of Empires. The secret story of the struggle of England against Russia]. M. 800 p. [in Russian]
- MIBASSR, 1936** – MIBASSR. Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. [Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. 1936. M.-L. 630 p. [in Russian]
- Nazar'yan, 2015** – *Nazar'yan R.* (2015). Pervopromkhodtsy [Pioneers]. *Zvezda Vostoka*. № 3, pp. 103–105. [in Russian]
- Nebol'sin, 1854** – *Nebol'sin P.I.* (1854). Rasskazy proezzhego [Stories of the traveler]. SPb. 343 p. [in Russian]
- Poslannik Petra I..., 1986** – Poslannik Petra I... Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bukharu v 1718–1725 godakh. [Embassy of Florio Beneveni to Persia and Bukhara in 1718–1725]. M. 1986. 159 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Samigulov, 2011** – *Samigulov G.* (2011). Derevnaya imeni ottsa [Father's Village]. Yuzhnoural'skaya panorama, 22 dekabrya [in Russian]
- Saparaliev, 1995** – *Saparaliev D.B.* (1995). Vzaimootnosheniya kyrgyzskogo naroda s russkim i sosednimi narodami v XVIII v. [Relations of the Kyrgyz people with the Russian and neighboring peoples in the XVIII century]. Bishkek. 152 p. [in Russian]
- Shigabdinov, Zhukova, 2002** – *Shigabdinov R., Zhukova L.I.* (2002). Bashkiry [Bashkirs]. Etnicheskiy atlas Uzbekistana. Tashkent. pp. 44–47. [in Russian]
- Sultangalieva, 2000** – *Sultangalieva G.* (2000). «Tatarskaya» diaspora i konfessional'nye svyazi kazakhskoi stepi (XVIII–XIX vv.) [Tatar diaspora and confessional ties of the Kazakh steppe (XVIII–XIX centuries)]. *Vestnik Evrazii*. № 4 (11), pp. 3–18. [in Russian]
- Sultangalieva, 2001** – *Sultangalieva G.S.* (2001). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII–nachalo XIX v.). [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII – beginning of the XIX century)]. Ufa. 262 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2005** – *Sultangalieva G.* (2005). Deyatel'nost' bashkirskikh perevodchikov i pis'movoditelei v Kazakhstane v protsesse vzaimodeistviya kul'tur (XVIII–XIX vv.). [The Activities of Bashkir Translators and Secretars in Kazakhstan in the Process of Interaction of Cultures (18th – 19th centuries)]. *Vatandash*. Sentyabr'. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=443> [in Russian]
- Taimasov, 2009** – *Taimasov S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. M. 344 p. [in Russian]
- Tleumuratov, 1993** – *Tleumuratov M.* (1993). Istoricheskie i kul'turnye svyazi karakalpakov s Rossiei i Bashkiriei v XVIII–nachale XX v. [Historical and cultural ties of the Karakalpak with Russia and Bashkiria in the XVIII–early XX centuries]. Nukus. 204 p. [in Russian]
- Trudy..., 1905** – *Trudy...* (1905). *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Orenburg. 224 p. [in Russian]
- Valeev, 2015** – *Valeev D.Zh.* (2015). Nравstvennaya kul'tura bashkirskogo naroda: proshloe i nastoyashchee. [Moral culture of the Bashkir people: past and present]. Ufa. 232 p. [in Russian]

Роль башкир в развитии политических и социокультурных связей Российской империи с государствами Центральной Азии (XVIII–XIX вв.)

Тимур Маратович Аюпов^{a, *}

^a Алтайский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется степень участия башкир в установлении и дальнейшем развитии экономических, дипломатических и культурных отношений Российской империи с государственными образованиями Центрально-Азиатского региона – казахскими жузами, Бухарским

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aiuptegin@mail.ru (Т.М. Аюпов)

эмиратом, Хивинским и Кокандским ханствами. На основе архивных источников, дипломатических документов и опубликованных научных трудов удалось выяснить, что в реализацию геополитических задач России на юго-восточном направлении были широко вовлечены все слои башкирского общества: тарханы, дворяне, муллы, торговцы, рядовые общинники. Этому способствовали этногенетическое родство, схожесть языков, культуры и менталитета, единство их вероисповедания с народами Центральной Азии. Немаловажное значение имел географический фактор: приграничные земли Башкирии на рубеже XVIII–XIX веков были превращены в плацдарм для наступления на Туркестан. Царское правительство всячески поощряло действия башкир и щедро вознаграждало их за верную службу. В то же время они привносили в новый край такую бытовую культуру, которая устраивала власти, а также послужили своеобразным катализатором к началу ее научного исследования, содействовали в распространении печатной продукции, светских знаний и т.д.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, башкиры, Оренбург, караванная торговля, посольство, изучение края.